

ОТЕЧЕСТВО

№

XVI
49369, 150
16
1915

ЦѢНА
10 К.
НА СТ.
Ж. Д.
12 К.

ПЕТРОГРАДЪ

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО Д. С. МЕРЕЖКОВСКОМУ.

Многоуважаемый Дмитрий Сергѣевичъ!

Съ большимъ волненіемъ прочелъ я въ № 68 „Русскихъ Вѣдомостей“ Вашу статью по поводу евреевъ. Вы назвали ее: „Еврейскій вопросъ, какъ русскій“.

Какъ русскій, истинно-русскій (не въ кавычкахъ, конечно, а въ лучшемъ смыслѣ этого слова) Вы писали ее и, какъ русскій и христiанинъ, Вы подошли къ еврейскому вопросу. Позвольте же мнѣ, еврею, сказать нѣсколько словъ по поводу Вашей статьи. Мнѣ хочется думать: — можетъ быть, мое письмо заставитъ Васъ высказаться еще разъ, но уже точнѣе и опредѣленнѣе.

Въ надеждѣ на это я и обращаюсь къ Вамъ. Тогда я сочту свою задачу оправданной и, надѣюсь, тогда цѣль моя перейдетъ въ нѣчто большее, чѣмъ цѣль *одного* человека, ибо все, высказываемое Вами, принимается *тысячами*.

Вашу статью можно принять, какъ попытку сказать о „больномъ“ безбоязно, иначе говоря: — словами жизни, а не литературы.

Я говорю: попытка; — къ сожалѣнію, въ Вашей статьѣ нѣтъ нѣкоторыхъ штриховъ, при наличности которыхъ попытка уже не попытка, а свершеніе, фактъ.

Я долженъ предупредить: конечно, я не уполномоченъ никакими кругами еврейства, я не выступаю представителемъ какого-нибудь опредѣленнаго теченія. Мой голосъ — есть только голосъ одного еврея, но мнѣ хочется вѣрить, что все-таки найдутся среди моего народа люди, раздѣляющіе мою точку зрѣнія. Хоть, съ другой стороны, я ни на одну минуту не сомнѣваюсь, что подавляющее, огромное большинство будетъ не за меня, а противъ меня, хотя бы въ силу того, что чувство націи, какъ и чувство родины, многими понимается слинкомъ... патріотично. И это „слишкомъ“ толкаетъ зачастую на невѣрные пути. Но кому же, какъ не Вамъ, такъ доступно и такъ близко понятіе о любви, къ „дальному“?

Вамъ тяжело, больно и стыдно отъ сознанія, что мало крика; это сознаніе Васъ изнуряетъ, обезсиливаетъ. Вы, по собственному Вашему признанію, участвуете въ этомъ крикѣ, Вы увѣряете, что $2 \times 2 = 4$, а не фатовское дѣло или Бейлисъ, и сквозь стыдъ и боль Вы, а съ Вами и многіе, приводите одно доказательство за другимъ. Понятно, почему стыдно и больно, ибо стыдно за тѣхъ, кому надо это доказывать

Вы еще одно знаете: „хочется сказать, что нѣтъ вопроса еврейскаго, а есть только русскій вопросъ; хочется это сказать, но нельзя“. Нѣтъ, надо и должно!

Въ Вашемъ утвержденіи — „нельзя“ — я вижу ту двойственность, которая — увы! такъ часто сопровождала выступления и мнѣнія русской интеллигенціи по отношенію къ евреямъ.

Рано или поздно, но эта дѣйствительность обнаружится, и лучше рано, чѣмъ поздно: национальное сознание слишкомъ чувствительно принимаетъ запоздалыя открытія.

Вы нашли въ себѣ силы заявить „хочется сказать“: Найдите же въ себѣ силы пойти дальше и, помимо крика, высказать еще и „спокойную мысль“, но цѣликомъ, всю до конца, безъ ссылки на трагедію русскаго общества. Эта трагедія не въ томъ, что оно сейчасъ не имѣетъ права это сказать, а въ другомъ — не *хочетъ* этого сказать въ силу своего неправильно понятаго права.

Вѣдь вы же сами пишете:... „чтобы мы могли показать свое национальное лицо съ достоинствомъ“. Вы можете и должны показать его сейчасъ, не откладывая на будущее время, когда перестанутъ, какъ Вы выражаетесь, угнетать чужія национальности.

Пусть сгущена атмосфера, . . . * . . . . .
. . . . . но моральное право свое „показать“ Вы должны выполнить, если только есть у Васъ моральное сознаніе, а оно у Васъ есть, иначе бы Вы не говорили о хотѣннн.

Для меня нѣтъ никакого сомнѣнія въ одномъ: показавъ сейчасъ свое национальное лицо, честно и открыто, не считаясь съ невѣрными понятіями о потребностяхъ момента, Вы, а съ Вами и другіе, поставите на вѣрныя рельсы вопросъ о національныхъ взаимоотношеніяхъ; этимъ самымъ Вы убьете всю болѣзненность его, уничтожите всю его запутанность и придадите ему ту необходимую ясность, безъ которой онъ задыхается. Угнетеніе не должно Вамъ мѣшать, надо разъ навсегда перемѣстить тяжесть съ одного конца на другой: тамъ, гдѣ открывается лицо, тамъ падаетъ клевета, а не наоборотъ.

Точно такъ же нѣтъ для меня никакого сомнѣнія, что, въ свою очередь, трагедія еврейскаго общества объясняется этими же причинами.

Еврейское общество знаетъ, и не можетъ не знать, что національное лицо русскаго общества должно открыться и въ то же время опасается его и видитъ въ этомъ „открытіи“ прикрытіе чего-то враждебнаго, не понимая той же простой истины: гдѣ открыты лица, тамъ ясны слова, открытый путь и все видно.

Вотъ это непониманіе и привело къ тому, что русское общество говоритъ: „блаженнѣе давать“, забывая, что национальные вопросы не рѣшаются идеалистическими умозаключеніями и идеалистическими порывами. И я читаю въ Вашей статьѣ слѣдующія строки: — „весь

идеализмъ русскаго общества въ вопросахъ національныхъ безсилень и потому безответственъ“.

Еврейское же общество, въ свою очередь, *принимаетъ*, забывая, что нація не можетъ жить подачками.

И когда Вы покажете свое національное лицо — Вы тѣмъ самымъ поможете еврейству сознать и себя и не менѣе достойно, чѣмъ русское общество.

Вы правы, когда пишете: „слѣпое отрицаніе вызываетъ такое же слѣпое утвержденіе чужой національности“.

Но слѣпота — зло — боритесь съ нею. И тогда не придется Вамъ абсолютному „нѣтъ“ противопоставлять такое же абсолютное и слѣпое „да“. И будетъ тогда: гдѣ „нѣтъ“, — тамъ *нѣтъ* и гдѣ „да“ — *да*. Живы будутъ слова апостола Павла: ... „чтобы вы были мудры на добро и просты на зло“.

А сейчасъ и мы и вы только прекраснодушны на добро, но это прекраснодушье не святое и мудрое, и на зло мы злы.

Вамъ хочется показать свое національное лицо, но Вы не считаете себя въ правѣ сдѣлать это сейчасъ; точно такъ же Вы знаете, что есть притяженія и есть отталкиванія, но пишете: „о притяженіяхъ говорить можно, а объ отталкиваніяхъ нельзя“.

Какъ, въ первомъ случаѣ, Вы ссылаетесь на трагедию русскаго общества и на угнетенія, такъ и во второмъ — Вы добавляете: „какъ, въ самомъ дѣлѣ, спориться съ тѣмъ, кто не имѣетъ голоса“.

Какъ и тамъ, Вы и тутъ не правы: голосъ есть, будетъ и отзовется, только Вы не бойтесь крикнуть. Не таитесь, скажите и Вамъ отвѣтятъ. На честный голосъ честно отвѣтятъ и, если до сихъ поръ не отвѣчали, то на это есть свои причины, и, основная: — съ нами не пробовали спорить.

Вы пишете: „безправіе евреевъ — безмолвіе христіанъ“. Нѣтъ, это не такъ. Я отвѣчу вашими же словами: *безмолвіе христіанъ — безправіе евреевъ*.

Вы говорите: какъ спорить съ тѣмъ, кто не имѣетъ голоса, но тутъ же заявляете: „Еврейскій вопросъ имѣетъ сторону не только національную, но и религиозную“. Вы правы въ своемъ утвержденіи, но утверждая это, развѣ Вы тѣмъ самымъ *уже* не поднимаете спора? Я могу только порадоваться, ибо, по-моему, спорить надо и должно. Но зачѣмъ, подходя къ этой сторонѣ, Вы начинаете такъ: „возьму примѣръ на удачу?“

Развѣ это только примѣръ на удачу? Вѣдь указаніе на религиозную сторону — это почти *все*, если только не все. И кому знакомы Вани мысли, для того слова Ваши

о „примѣрѣ на удачу“ должны показаться двойственными.

Вы знаете, что такое іудейство и христіанство, Вы знаете цѣнности религиознаго сознанія, Вы знаете, какими крѣпкими нитями связаны нація и религія (Вы, конечно, понимаете, что я говорю не о церковности), точно такъ же Вы знаете, что русско-еврейскій вопросъ не есть только вопросъ политическаго безправія, — какъ же Вы можете умалчивать объ отталкиваніяхъ? Во имя того же „нельзя“? — тогда и намекать не слѣдуетъ. Но вѣдь Вы же въ своей статьѣ болѣе чѣмъ намекаете — Вы утверждаете, что отталкиванія существуютъ. Если такъ — мы вправѣ ожидать и вывода, иначе же Вашъ намекъ останется намекомъ довольно двусмысленнымъ и, думаю, для многихъ. Сдѣлайте этотъ выводъ и тогда Вамъ не придется слѣпому отрицанію сопоставить такое же слѣпое утвержденіе. Какъ и тутъ, такъ и въ вопросѣ о національномъ лицѣ не можетъ быть умолчаній, особенно, когда такъ ясна и такъ понятна связь между этими двумя вопросами.

Пусть сказано будетъ „все“: и тогда на нѣтъ сойдутъ многія „красивыя“ слова и такія же „красивыя легенды“, и тѣмъ лучше: — слишкомъ долго мы питались ими, и слишкомъ часто русское общество кормило насъ ими.

Націи, конечно, живутъ и легендами, но тогда лишь, когда легенды уже становятся „историческими“, а мы, евреи, часто забываемъ это.

Да, наше безправіе — фактъ, но мы должны знать, а Вы намъ — сказать, *что* придетъ на смѣну безправію — и тутъ нельзя ограничиваться намеками.

Да возгорится споръ, и да будетъ этотъ споръ рѣшительнымъ, безбоязненнымъ.

Въ спорѣ обнаруживается истина. . . . .

Вы помните древнія слова о начаткѣ святомъ, о корнѣ свѣтомъ и о вѣтвяхъ? Тамъ же и слова о дикой маслинѣ, привившейся на мѣстѣ опавшихъ вѣтвей. Эти древнія слова ожили теперь, вобравъ въ себя новый смыслъ. И развѣ не пора, подходя къ этому смыслу, намекъ замѣнить яснымъ отвѣтомъ, а прекраснодушье — прямодушнемъ? Вы сдѣлали первые шаги, Вы сказали „а“, — скажите же и „б“, и тогда тѣ, у которыхъ, по Вашему, сейчасъ нѣтъ голоса, отвѣтятъ Вамъ полнымъ голосомъ.

Андрей Соболевъ.

У ПОСЛѢДНЕЙ ТЕРТЫ

ОЧЕРКИ.

II. ГЕФЕСТЪ.

Онъ былъ ювелиромъ въ болѣе модномъ магазинѣ, что на Rue de la Paix.

— Настоящій художникъ, — говорилъ мнѣ литераторъ С., когда велъ смотрѣть его работы. — Въ его миниатюрахъ душа Гефеста. Весь секретъ успѣха моднаго магазина въ его талантѣ. Хозяинъ наживаетъ миллоны, а онъ получаетъ свои 40 франковъ въ день... И сколько я ни убѣждалъ этого идиота перестать быть эксплуатируемой скотиной, онъ неизмѣнно отвѣчаетъ: — „Ужъ очень люблю свой уголь“...

Дѣйствительно Гефестъ... Такимъ титаническимъ сложеніемъ долженъ былъ обладать великій кузнецъ. Когда онъ поднималъ намъ навстрѣчу тяжелую громаду своего тѣла, казалось, что гора валится на плечи. Онъ съ увлеченіемъ сталъ показывать намъ своихъ лебедей и тритоновъ; сколько таланта было въ этихъ вещахъ и сколько божественнаго терпѣнія нужно было, чтобы такъ сработать эти мельчайшія жемчужины и брилліанты! Неужели эти чудовищно большія руки могли создать такія изумительныя по своей красотѣ и тонкости миниатюры? Жестокій кашель прервалъ его объясненія, и когда онъ кашлялъ, то казалось, что цѣлое море огня бушуетъ въ его мощной груди.

— Гефестъ, воскресшій Гефестъ, — повторялъ я...

Недавно я вошелъ въ модный магазинъ, что на Rue de la Paix, узнать нѣтъ ли отъ него извѣстій. — „Онъ въ больницѣ Vel-de-Grace, ему ампутировали обѣ ноги“.

Черезъ 15 минутъ я былъ въ больницѣ. Когда я подошелъ къ его койкѣ и увидѣлъ безформенный и уродливый обрубокъ его тѣла, я не могъ скрыть своего волненія...

— Что вы, что вы, голубчикъ, — ласково сказалъ онъ мнѣ, протянувъ впередъ свои сильныя руки. — Я плакалъ отъ радости, когда мнѣ сняли ноги! *Видь мои руки остались цѣлы...*

* * *

III. СЕМЬЯ ТАУБЕРА.

По воскресеньямъ въ колбасной Таубера, что недалеко отъ моего дома, нелегко пробраться къ лавкѣ. Французы любятъ поѣсть въ воскресенье „шаркютрю“, а колбасная Таубера славилась на весь нашъ кварталъ. Тутъ можно было найти и вестфальскую ветчину, и страсбургскую колбасу, и чудесную эльзасскую солонину. И то сказать, дѣловитая и хозяйственная это была семья: коммерсанты перваго разряда. Старуха-мать, жена и двѣ дочери-подростки хлопочутъ въ колбасной; три сына и Тауберъ-дѣдъ рядомъ, въ ресторанѣ, разносили тяжелое мюнхенское пиво и вкусныя сосиски съ „шукрутомъ“. Только самого Таубера трудно было встрѣтить въ колбасной. У него было большое комиссіонное дѣло, онъ поставлялъ нѣмецкую ветчину многимъ колбасникамъ Парижа. Но по воскресеньямъ и онъ бывалъ въ колбасной. Важный и высокій, затаенный въ длинный черный сюртукъ, онъ стоялъ у кассы, отсчитывалъ сдачу и съ легкимъ нѣмецкимъ акцентомъ благодарилъ пскупателей. Я любилъ его строгую дѣловитость и каждый разъ, когда протягивалъ ему монету, не забывалъ справляться о дѣлахъ.

— Дѣла хороши. Дай Богъ дѣткамъ такія...

Когда, на другой день послѣ мобилизации, къ нашей улицѣ сталъ приближаться шумъ толпы, громившей нѣмецкія лавки, я подумалъ, что сейчасъ разгромятъ и лавку моего Таубера. Мнѣ стало жаль этотъ суетливый улей... и я спустился посмотрѣть, какъ это произойдетъ. Къ моему удивленію на дверяхъ лавки я нашелъ надпись: „Maison Française *)“.

„Хитрый нѣмецъ!“ подумалъ я и вошелъ въ колбасную.

Тауберъ, въ дорожномъ костюмѣ, стоялъ среди своихъ и отдавалъ послѣднія распоряженія.

Удираетъ...

— Вы куда?

— Въ армію, спокойно отвѣтилъ онъ.

??

— Сударь, мы эльзасцы...

Отсутствіе Таубера не отразилось на жизни лавки. Такъ же, какъ раньше, вертѣлась будничная машина. Только по воскресеньямъ у кассы, вмѣсто Таубера, стоялъ, въ такомъ же черномъ сюртукѣ, его отецъ, Тауберъ-дѣдъ. Но однажды, зайдя въ лавку, я почувствовалъ въ ней какую-то молчаливость и замѣтилъ, что госпожа Тауберъ,

*) Французская фирма.

НАБЛЮДАТЕЛЬНЫЙ ПУНКТЬ.

РОДНАЯ ВЕСНА.

I.

Родная, поздняя весна,
На Пасху снѣгъ, и льдины въ мартѣ,
И неба сѣраго глубина, —
Вы сердце нѣжите и раните.

И длинныхъ зорь безсонный свѣтъ,
Такой тревожащій, нездѣшній...
Всю жизнь, съ самыхъ раннихъ лѣтъ,
Можно продумать ночью вешней.

II.

Такъ терпѣливо мы ждали,
Когда растаютъ льды,
Когда засинѣютъ дали
Свободной, чистой воды:

Когда пройдутъ пароходы,
Сгибая трубу подъ мостомъ...
Мы слышали вздохи природы
Въ воздухѣ городскомъ.

И вотъ, сидимъ у окна
Здѣсь, на седьмомъ этажѣ.
Всѣ льдины прошли уже,
Огромная даль видна!

И стекла уже не мутнѣютъ,
Играетъ водная гладь,
Теплая водная гладь...
О чемъ же сердце жалѣетъ, —
Больше нечего ждать?

Марія Моравская.

противъ своего обыкновенія, не отрѣзала мнѣ съ ветчиной слишкомъ много сала.

— Получаете письма, madame?

Она вытащила изъ своего кармана смятую бумажку, на которой неровнымъ почеркомъ, карандашемъ, было написано: „Покинутый, я лежу на полѣ битвы. Мелинить раздробилъ мои ноги, я мучительно страдаю и молю Бога о ниспосланіи мнѣ скорой смерти. Въ эти послѣднія минуты я думаю о моей горячо любимой

семьѣ. Все свое состояніе, по вычету законной доли дѣтямъ, завѣщаю моей женѣ, съ которой прожилъ двадцать лучшихъ лѣтъ моей жизни. Vive la France! Vive l'Alsace! Иоганнъ Тауберъ, рядовой 26-го...“

Когда, въ слѣдующее воскресенье, мнѣ удалось наконецъ протолкаться къ кассѣ, я не могъ почему-то поднять своихъ глазъ на Таубера-дѣда...

Е. Паннъ.

БАБУШКА ОТТО БЕРГМАНА.

РАЗСКАЗЪ ПЬЕРА МИЛЛЯ.

БАБУШКА Отто Бергмана была датчанка. Но когда, лѣтъ сорокъ тому назадъ, дочь ея, Павла, вышла замужъ за нѣмца и переѣхала въ Германию, она съ этимъ примирилась. Она была хорошей патриоткой. Но нѣмцевъ, однако, не любила не столь за то, что они отняли Шлезвигъ у Дани, сколько за некультурность и отсутствие чуткости и вкуса... Въ то же время она понимала, что когда въ семьѣ девять человѣкъ дѣтей, какъ, напримѣръ, у нея, то Ютландія начинаетъ казаться слишкомъ маленькой страной. Тѣсно становится.

Двое женатыхъ сыновей ея жили въ Копенгагенѣ, одинъ въ Гельсингфорсѣ, одинъ въ Америкѣ, и дочери тоже разсѣялись по всему свѣту. Одна даже уѣхала далеко, за моря, вмѣстѣ съ законнымъ спутникомъ, красивымъ грекомъ, который обзавелся бумагопрядильной фабрикой въ Инди, Павла отваги и особой предприимчивости не проявила. Она отдала руку и сердце нѣкому Бергману изъ Берлина, отцу Отто Бергмана, одного изъ сорока двухъ внуковъ бабушки Штенгерсенъ, о которомъ и будетъ сейчасъ рѣчь.

Бабушка Штенгерсенъ, какъ многие старые люди, смотрѣла на свое многочисленное потомство критическимъ и внимательнымъ взглядомъ скотовода. Она очень интересовалась питомцами своего завода, но судила о каждомъ изъ нихъ справедливо и безпристрастно. Были среди нихъ и отличные экземпляры, и средняго качества, были и плохіе. Были прекрасные экземпляры были даже отменные красавцы, но съ порочными задатками и нуждавшіеся въ строгой дрессировкѣ. Въ иныхъ она находила чудесныя качества, тогда какъ родители приходили отъ нихъ въ отчаяніе. И зоркій глазъ ея одинаково безошибочно распознавалъ недостатки и достоинства самцовъ уже въ самомъ раннемъ ихъ возрастѣ.

Каждое лѣто, наслажденіе которымъ Господь Богъ даровалъ ея юно-жизнерадостной старости, она приглашала кого-нибудь изъ своихъ сыновей и дочерей съ ихъ семьями, провести нѣсколько дней въ ея приморскомъ имѣніи, въ окрестностяхъ Мельвига. Сочные зеленые луга сбѣгаютъ здѣсь до самаго моря, нѣжно-сѣраго, безшумнаго. Подъ красными крышами чистенькихъ хлѣвовъ мычатъ тучныя коровы, которыми славится этотъ край, богатый молокомъ и душистымъ масломъ. Далеко замѣтны темныя сосны тихаго села, гдѣ живутъ крѣпко-сложенные люди, широкобедрыя женщины съ блѣдными волосами, искусныя въ рѣзбѣ по дереву, и въ долгие зимніе вечера читающія много книгъ...

Маленькій Отто Бергманъ тоже прѣзжалъ туда, какъ и другіе внуки бабушки Штенгерсенъ. Бѣгалъ

подъ деревьями стараго парка, барахтался въ тихой водѣ, у берега, и бабушка, наблюдая его, какъ и другихъ, съ безпристрастіемъ эксперта по части маленькихъ мужчинъ и маленькихъ женщинъ, составила себѣ сужденіе и о немъ: „Это метисъ“, — говорила она — „помѣсь берлинца, баварца и датчанина, но прусская и баварская породы сильнѣе выражены въ немъ. Онъ и не совсѣмъ идиотъ, скорѣе даже смысленъ. Понятливое животное! Утонченными, благородными чувствами онъ не одаренъ. Въ концѣ концовъ, утонченныя возвышенныя чувства, пожалуй, даже вещь бесполезная. Любовь безкорыстная къ вещамъ и людямъ отвлекаетъ отъ любви къ самому себѣ... Этотъ мальчуганъ пороку не выдумаетъ, задумываться ни надъ чѣмъ долго не будетъ. Онъ быстро устаеетъ думать... Но если вдолбить въ его голову какую-нибудь мысль, то онъ крѣпко запомнитъ ее. Что же, въ современной Германіи и это, быть можетъ, вывезетъ его“...

И, дѣйствительно, Отто Бергманъ, получивъ въ наследство отъ отца фабрику химическихъ продуктовъ и значительный капиталъ, быстро пошелъ въ гору. Обязанъ онъ былъ этимъ, какъ онъ говорилъ — „прежде всего, исключительнымъ свойствамъ своего германскаго ума“, затѣмъ — „превосходному германскому методу воспитанія и, наконецъ, могуществу германской имперіи“. Ему долго толковали въ германскихъ школахъ, что такъ надо думать и говорить, и онъ такъ думалъ и говорилъ. Старый германскій богъ вознаградилъ его за это. Онъ приобрѣлъ значительное состояніе, потомъ крупное состояніе и, наконецъ, огромное состояніе, а за этимъ уже послѣдовалъ титулъ коммерціи совѣтника и надежда на потомственное дворянство, если дѣла его и впредь будутъ блестящи — такъ какъ дѣла его были въ то же время дѣломъ германской имперіи. Онъ былъ счастливъ и гордъ, сталъ возить свою великолѣпную особу по швейцарскимъ отелямъ, потомъ — по французскимъ отелямъ, — и здѣсь и тамъ урѣзывалъ счета.

Но изъ высшихъ сферъ не преминули вскорѣ преподать ему одинъ совѣтъ, — а совѣты, исходящіе изъ высшихъ германскихъ сферъ, равны приказаніямъ: деньги, которыя богатые германскіе промышленники тратятъ за границей, должны во что бы то ни стало приносить проценты Германіи. Деньги, истраченныя по международнымъ отелямъ, все равно, что за окно брошены, если это не нѣмецкіе отели, а такихъ въ Европѣ и другихъ частяхъ свѣта пока еще не такъ много. Отто Бергману дали понять, что ему слѣдовало бы обзавестись земельной собственностью за-границей, по примѣру многихъ другихъ германскихъ промышленниковъ и финансистовъ. Государство въ такихъ случаяхъ охотно оказываетъ всякое содѣйствіе, въ случаѣ необходимости даже субси-

дируетъ наличными деньгами и, во всякомъ случаѣ, осыпаетъ всевозможными платоническими милостями, и почестями.. конечно, если эти лица, устраиваясь въ мѣстахъ пріятнаго лѣтняго отдохновенія, соображаются прежде всего съ интересами своего отечества, и для своихъ виллъ, живописныхъ дачъ, и поэтическихъ замковъ, выбираютъ мѣстности, представляющія для Германіи интересъ въ стратегическомъ и военномъ смыслѣ. Многие германцы раскинули такія крѣпости въ самомъ сердцѣ Франціи, въ русской Польшѣ, и въ Итали. Но Отто Бергману дали понять, что ему лучше бы утвердиться въ Дани... У него тамъ родственники, и стало быть, благодарное поле для укрѣпленія германскаго вліянія.

Вотъ почему Отто Бергманъ, сопровождаемый личнымъ другомъ его величества, весьма опытнымъ въ такихъ дѣлахъ, выбралъ мѣстность, дѣйствительно, исключительнаго военнаго значенія: на Гиммельбергѣ, въ самомъ сердцѣ Ютландіи, и рѣшилъ воздвигнуть тутъ замокъ, который былъ бы вполне достоинъ его. Строить для него этотъ замокъ могъ, конечно, только берлинскій архитекторъ. Онъ и предложилъ берлинскому архитектору поѣхать вмѣстѣ съ нимъ. Показалъ ему 200 десятинъ лѣса, дуга, холмы, пруды и сказалъ:

— Ну, вотъ, здѣсь!..

Архитекторъ почтительно спросилъ:

— Въ какомъ стилѣ, господинъ коммерціи совѣтникъ, угодно вамъ строить замокъ въ этомъ царскомъ помѣстьѣ?

— Ну, конечно, что-нибудь красивое надо построить, — отвѣтилъ Отто.

— Да, непременно, — сказалъ архитекторъ, — но въ какомъ стилѣ? Какой стиль вы предпочитаете?

Отто Бергману некогда было думать о такихъ вещахъ.

— Въ какомъ стилѣ? — нерѣшительно сказалъ онъ.

— Есть стиль греческій, — предупредительно сталъ объяснять ему архитекторъ, — стиль романскій, готическій, германскій ренессансъ и современный германскій стиль.

— Ну, что же, — рѣшилъ Отто, — ваяйте всѣ стили!.. Ну, и конечно, германскій стиль. Да, это, впрочемъ, все одно...

Работа закипѣла. Выросъ портикъ съ четырехугольными колоннами подъ капителями, римскія аркады, бойницы, башни и башенки, мебель привезли, конечно, изъ Мюнхена, а обивка, разумѣется, была черная шелковая, въ оранжевыхъ и красноватыхъ цвѣтахъ.

И сердце Отто трепыхало въ груди отъ радости.

Рис. Люсьенъ Жонасъ.

СМЕРТЬ КОСИТЬ, — СЪЯТЕЛЬ СЪЕТЬ.

Когда замокъ былъ совершенно отдѣланъ, онъ написалъ письмо бабушкѣ Штенгерсенъ. Онъ хотѣлъ показать ей свой великолѣпный замокъ, и за всѣ дни, которые провелъ здѣсь, въ Мельвигѣ, оказать ей гостепримство въ настоящемъ германскомъ дворцѣ, который воздвигнуть въ Дани. Такъ онъ выразился въ своемъ письмѣ.

Бабушка Штенгерсенъ приняла приглашеніе и поѣхала. Она уже опиралась на палочку, правда, очень изящно и даже кокетливо, и въ глазахъ ея еще сверкали молодые огоньки. Она осмотрѣла портикъ съ четырехугольными колоннами подъ капителями, статую Германи, римскія аркады, бойницы, амбразуры, башни, башенки, мюнхенскую мебель, огромный залъ въ стилѣ Луи Филиппа, напомнившій ей залъ ожиданія при крематоріи, покачала головой и сказала:

— Бѣдный Отто... Ахъ, бѣдный ты мой Отто... До сихъ поръ я одна знала, что ты дуракъ, теперь вся Данія узнаетъ, что ты идиотъ.

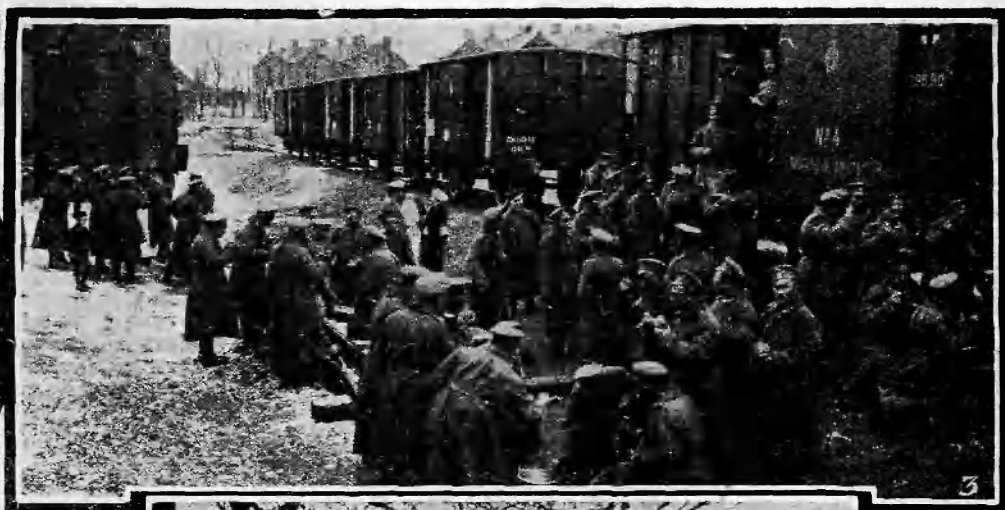
Перевела А. Даманская.

Хроника войны: 1. Походная хлѣбопекарня въ г. Радомѣ. — 2. Встрѣча казаксъ-одностаничниковъ. — 3. Питательный пунктъ подвижн. высотъ по картѣ. — 5. Во время отдыха, у землянокъ на передовыхъ позицияхъ. — 6. Братскія могилы у ст. Новая Александрія. — 7. Г.

лада Ея Имп. Велич. Госуд. Имп. Александры Теодоровны на ст. Скаржиска. Раздача горячей пищи солдатамъ. — 4. Топографическая повѣрка
ст. Опочно. Бѣженцы изъ разоренныхъ мѣстечекъ. — 8. Мѣстечко Сиховъ-Дуже, вблизи австрійской границы. — 9. На базарѣ, на ст. Кѣльцы.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГОНОРАРЪ ВЪ СТАРИНУ.

История литературы не только история идей и формъ, — между прочимъ, въ нее входитъ и история литературнаго быта. Литература существуетъ только тамъ, гдѣ есть писательскій классъ, гдѣ есть болѣе или менѣе значительная группа людей, нашедшихъ въ литературѣ свое призваніе, исключительно ей себя посвятившихъ и ею одною во всѣхъ отношеніяхъ живущихъ.

Денежная удача или неудача писателя, матеріальный успѣхъ или неуспѣхъ журнала, ростъ и колебанія цѣнъ на книжномъ рынкѣ, — все это заслуживаетъ вниманія и изученія. Какая это была бы интересная книга — история литературнаго гонорара! Это была бы въ своемъ родѣ поучительная история литературы, да и часть общекультурной истории вмѣстѣ съ тѣмъ: въ цифрахъ выразились бы отношенія общества къ слову, смѣны направленій, сказались бы кое-какіе психологическіе и соціологическіе законы, выяснились бы случайныя и капризныя отклоненія отъ нихъ и, въ свою очередь, получили бы научно-образное истолкованіе. Но у насъ для этого еще ничего не сдѣлано, да и вообще мало сдѣлано въ области бытовой истории. Свѣдѣнія о литературномъ заработкѣ попадаютъ рѣдко и случайно, ихъ приходится добывать по капелькамъ; мы положительно не помнимъ, была ли гдѣ-нибудь опубликована и обслѣдована хоть одна гонорарная книга какого-нибудь периодическаго издания. Сама литература — надо отдать ей должное — мало думало до сихъ поръ о своихъ матеріальныхъ интересахъ. Тургеневы думали о крѣпостномъ мужикѣ, Глѣбы Успенскіе заботились о „безлошадныхъ“, а о своемъ собственномъ безхлѣбьѣ, о необеспеченности, о денежной взаимопомощи писатели вспоминали какъ-то нехотя, словно краснѣя и стыдясь читателя.

До начала XIX вѣка литературнаго гонорара въ Россіи, за случайными ничтожными исключениями, не было. Тѣ нѣсколько дворянъ, которые, по вѣрному выраженію г-жи Сталь, одни дѣлали русскую литературу, въ гонорарѣ не нуждались, да никогда бы его и не приняли. По крайней мѣрѣ, журналы никому не платили. Это свидѣтельствовало только о слабости корней литературы въ общественной почвѣ. Книга еще не была товаромъ, потому что въ ней не было ясно осязаемой необходимости. Но съ теченіемъ лѣтъ выросла публика, начали появляться издатели-коммерсанты, стали нарождаться классы литераторовъ, появились писа.ели-пролетаріи, которые безъ гонорара существовать не могли.

Эрой литературнаго гонорара въ Россіи можно считать 1823-й годъ, когда Рылѣевъ и Бестужевъ-Марлинскій издали впервые свою „Полярную Звѣзду“. Знаменитый альманахъ, по объѣмну ихъ товарища, декабриста, князя Е. П. Оболенскаго, даже затѣянъ былъ для того, чтобы внести въ литературу дѣловое начало. Цѣль Рылѣева и Бестужева состояла въ томъ, чтобы дать вознагражденіе труду литературному болѣе существенное, нежели то, которое получали до того времени, люди, посвятившие себя занятіямъ умственнымъ. Часто ихъ единственная награда состояла въ томъ, что они видѣли свое имя напечатанное въ издаваемомъ журналѣ, сами же они, приобретающая славу и извѣстность, терпѣли и голодъ, и холодъ, и существовали или отъ получаемаго жалованья, или отъ собственныхъ доходовъ съ имѣній или капиталовъ. Предприятие удалось. Всѣ литераторы того времени согласились получить вознагражденіе за статьи, отданныя въ альманахъ; въ томъ числѣ находился и А. С. Пушкинъ. „Полярная Звѣзда“ имѣла огромный успѣхъ и вознаградила издателей не только за первоначальныя издержки, но доставила имъ чистой прибыли отъ 1500 руб. до 2000 рублей*.

Не менѣе важная роль въ установленіи оплаты труда русскаго писателя принадлежитъ Пушкину. Поэтъ рано началъ печататься, но гонорара долго не получалъ, да и не думалъ о немъ. Первое изданіе „Руслана и Людмилы“ не принесло ему ничего. Заработалъ одинъ Гнѣдичъ, которому Пушкинъ, уѣзжая въ изгнаніе, на югъ, въ 1820 г. поручилъ напечатать поэму; нѣсколько лѣтъ назадъ Гнѣдичъ издалъ сочиненія Батюшкова, причѣмъ Батюшкову заплатилъ двѣ тысячи, а самъ „заработалъ“ около пятнадцати, безъ всякаго риска, такъ какъ Батюшковъ принялъ на себя денежную отвѣтственность, если будетъ убытокъ. Тѣмъ не менѣе, Пушкинъ, когда у него былъ готовъ „Кавказскій Пльнникъ“, опять довѣрился Гнѣдичу — и опять полатился. Долго не могъ онъ забыть объ этомъ, но урокъ пошелъ ему на пользу.

Правда, не безъ борьбы пришелъ Пушкинъ къ убѣжденію, что продавать стихи не зазорно. Предлагая Н. И. Гречу купить „Кавказскаго Пльнника“, онъ, очевидно, старался побороть чувство ложнаго стыда и самъ подбадривалъ себя шуткой: „Не

хотите ли вы у меня купить весь кусокъ поэмы? длиною въ 800 стиховъ, стихъ шириною 4 стопы, разрѣзано на двѣ пѣсни; дешево отдамъ, чтобъ товаръ не залежался“. Вскорѣ онъ писалъ Вяземскому: „Должно смотрѣть на поэзію, съ позволенія сказать, какъ на ремесло... На конченную свою поэму я смотрю какъ на пару своихъ сапогъ: продаю съ барышомъ. Цеховой старшина находитъ мои ботфорты не по формѣ, обрѣзываетъ, портитъ товаръ; я въ накладѣ, иду жаловаться частному приставу, все это въ порядкѣ вещей“. Годъ спустя онъ писалъ брату: „Русская слава можетъ льстить какому-нибудь В. Козлову, которому льстятъ и петербургскія знакомства, а человекъ немного порядочный презираетъ и тѣхъ, и другихъ. Mais pourquoi chantais-tu? На сей вопросъ Ламартина отвѣчаю: я пѣлъ, какъ булочникъ печетъ, портной шьетъ, Козловъ пишетъ, лѣкарь моритъ, — за деньги, за деньги, за деньги. Таковъ я въ наготѣ мсего цинизма“. Здѣсь Пушкинъ убѣждаетъ не столько своихъ корреспондентовъ, сколько самого себя.

Наканунѣ изгнанія изъ Одессы въ Михайловское — онъ писалъ своему ближайшему начальнику, А. И. Казначееву: „Ради Бога не думайте, чтобъ я смотрѣлъ на стихотворство съ дѣтскимъ тщеславіемъ ремесла, или какъ на отдохновеніе чувствительнаго человѣка: оно просто мое ремесло, отрасль честной промышленности, доставляющая мнѣ пропитаніе и домашнюю независимость“. Тутъ Пушкинъ не столько защищаетъ литературу-профессию, сколько пытается замаскировать съ трудомъ скрываемую стыдливость творчества: дескать, не баловался бы зря стихами, если бы не нужда въ деньгахъ. Въ то же время онъ сознавалъ, что въ Россіи это доводъ плохой, и писалъ (Рылѣеву, въ 1825 г.), что за-границей „пишутъ для денегъ“, а у насъ графъ Хвостовъ прожилъ на нихъ; тамъ ѣсть нечего, — такъ служи, да не сочиняй“. И Пушкинъ, стараясь „судить прозаически“, устами разумнаго Книгопродавца („Разговоръ Книгопродавца съ Поэтомъ“) убѣдилъ себя, наконецъ, что „не продается убѣжденіе, но можно рукопись продать“...

Вѣрное пониманіе перемѣнившихся общественныхъ условій съ одной стороны, постоянныя денежныя стѣсненія съ другой — быстро вышколили Пушкина. Когда онъ указывалъ Казначееву, что намѣренъ жить не службой, а „честной промышленностью“, онъ былъ ободренъ выдающимся успѣхомъ „Бахчисарайскаго Фонтана“. Князь П. А. Вяземскій, которому Пушкинъ поручилъ заботы объ изданіи, продалъ поэму за три тысячи руб., т. е. по 8 руб. за стихъ (счесть на ассигнаціи, но мы едва ли ошибемся, если приравняемъ тогдашній ассигнаціонный рубль по его покупной способности къ теперешнему серебряному). Въ газетахъ объ этомъ говорили какъ о выдающемся событіи. „Доказательство, что не въ одной Англии и не одни англичане щедрою рукою платятъ за изящныя произведенія поэзіи“, — писалъ „Русскій Инвалидъ“. Пушкинъ ликовалъ и за себя, и за литературу. Его радовалъ успѣхъ и заработокъ, и не меньше радовало сознание, что въ Россіи такъ ощутительно сказались потребность въ литературѣ, растетъ публика, развивается рынокъ. „Начинаю почитать нашихъ книгопродавцевъ, — писалъ онъ, — думать, что ремесло наше, право, не хуже другого“. Онъ только сердился на брата (впослѣдствіи онъ съ нимъ за это даже серьезно ссорился), и на друзей, которые всюду читали поэму въ рукописи до ея появленія въ свѣтъ, давали ее списывать и этимъ уменьшили контингентъ будущихъ покупателей: „Жаль, если книгопродавцы, въ первый разъ поступивше по-европейски, обманутся и останутся въ накладѣ, — да впередъ невозможно и мнѣ будетъ продавать себя съ барышомъ“. И Пушкинъ съ тѣхъ поръ прочно поставилъ свою „стишистую торговлю“.

Собираясь выпустить въ концѣ 1825 г. альманахъ „Звѣздочка“ (альманахъ не появился изъ-за катастрофы 14 декабря), Бестужевъ приобрѣлъ у Пушкина отрывокъ изъ „Онѣгина“ — „Разговоръ Татьяны съ няней“. Поэтъ жилъ тогда въ деревнѣ, и сдѣлка была заключена черезъ посредство его брата. „Левушка Пушкинъ, — рассказывалъ впослѣдствіи братъ Бестужева, — потребовалъ по пяти руб. асс. за строчку. Бестужевъ немедля согласился:

„Ты промахнулся, Левушка, промахнулся, не потребовалъ за строчку по червонцу. Я бы тебѣ и эту цѣну далъ, но только съ условіемъ: пропечатать нашу сдѣлку въ „Полярной Звѣздѣ“, чтобы знали всѣ, съ какою готовностью мы платимъ золотомъ за золотые стихи“...

Съ этихъ поръ „золотой“ гонораръ Пушкина не падалъ, и червонецъ былъ рядовой цѣною за пушкинскій стихъ. Поэтъ еще сидѣлъ въ деревнѣ, а братъ (которому онъ иногда дарилъ

свои стихи „на орѣхи“) уже продавалъ ихъ по 10 руб. за стихъ и даже дороже. Возвратясь изъ ссылки, Пушкинъ вошелъ въ редакцію „Московск. Вѣстника“, тогда только что возникшаго. Молодые издатели журнала (Веневитиновъ, Погодинъ, Соболевскій и друг.) сразу положили своему знаменитому сотруднику огромный гонораръ. Не въ примѣръ прочимъ участникамъ, Пушкину условились платить съ проданныхъ тысячи двухсотъ экземпляровъ журнала въ 10 тысячъ рублей въ годъ (другимъ по 100 р. за листъ оригинальныхъ статей и по 50 р. за переводы), и дали авансомъ тысячу рублей. Впрочемъ, это вознаграждение, какъ было предусмотрено, могло быть и меньше, если бы подписчиковъ оказалось меньше. Такъ и случилось, и Пушкинъ получилъ въ 1827 г. не десять, а пять тысячъ, противъ чего, конечно, не протестовалъ, хотя напечаталъ въ „Моск. Вѣстн.“ столько, что могъ бы, пожалуй, выручить и больше; надо прибавить, однако, что Пушкинъ былъ избавленъ отъ принятой всѣми сотрудниками на себя отвѣтственности въ случаѣ неуспѣха журнала. Въ слѣдующемъ году Пушкинъ, считая себя слишкомъ дорогимъ сотрудникомъ, вышелъ изъ журнала, но еще долго снабжалъ его своими произведениями бесплатно, изъ одного сочувствія.

Пушкинъ не любилъ потакать издателямъ и книгопродавцамъ, предпочиталъ самъ издавать свои произведения, цѣнилъ ихъ дорого и не баловалъ книжниковъ скидками (которыя вообще тогда были меньше нынѣшнихъ). Съ помощью вѣрнаго друга Плетнева, ревниво охранявшаго денежные интересы Пушкина, онъ самъ печаталъ „Онѣгина“. Романъ стоилъ первоначально, въ отдѣльныхъ главахъ, 40 руб., а въ провинціи продавался еще дороже. Полное издаше 1833 г. стоило двѣнадцать руб., а слѣдующее, 1837 г., вышедшее въ день смерти поэта, всего пять рублей, — зато тиражъ былъ большой. Всѣ издания Пушкина стоили дорого, но мы оставимъ ихъ въ сторонѣ, такъ какъ здѣсь трудно отдѣлить гонораръ литератора отъ издательской прибыли. Скажемъ лишь, что въ тридцатыхъ годахъ книжная торговля расцвѣла. Булгарину романы приносили десятки тысячъ. Марлинскому — тоже; Загоскину заплатили за одно издание „Рославлева“ — 40 тысячъ. Смирдинъ платилъ сотрудникамъ „Библиотеки для чтенія“ 250—300 р. за листъ прозы, а Пушкину далъ за „Анжело“ (напечатанъ въ сборникѣ „Новоселье“) по червонцу за стихъ. Недаромъ слухъ о смирдинской щедрости Хлестаковъ заноситъ въ захоластный городишко: „Миѣ Смирдинъ дастъ сорокъ тысячъ“...

Смирдинъ же далъ Пушкину наибольшую плату за стихи, какую получалъ когда-либо нашъ поэтъ, и до сихъ поръ еще никѣмъ не превзойденную. За „Гусара“, помѣщенного въ 1834 г. въ „Библиотеку для чтенія“, Пушкинъ получилъ двѣ тысячи руб., — по 17 руб. съ копейками за стихъ. Крылову Смирдинъ платилъ по договору 300 руб. за каждую басню, но Крылову и это показалось мало, и онъ однажды потребовалъ 500. Кончилось тѣмъ, что Смирдинъ, слишкомъ понадѣявшійся на русскаго читателя, разорился, но оставилъ по себѣ память истинно-культурнаго дѣятеля и друга писателей.

Слѣдующіе издатели были скромнѣе. Самъ Пушкинъ платилъ за историческія статьи въ своемъ „Современникѣ“, т. е. за матеріалъ для журнала не первостепенный, 200 руб. съ листа, но у него тогда едва ли было триста подписчиковъ. Во всякомъ случаѣ сейчасъ ни одинъ журналъ не платитъ за такой матеріалъ дороже 100 руб.; исключенія рѣдки и случайны. Въ 40—50-хъ годахъ гонорары стали падать. Краевскій („Отечественныя Записки“) прижималъ сотрудниковъ; извѣстно, какъ

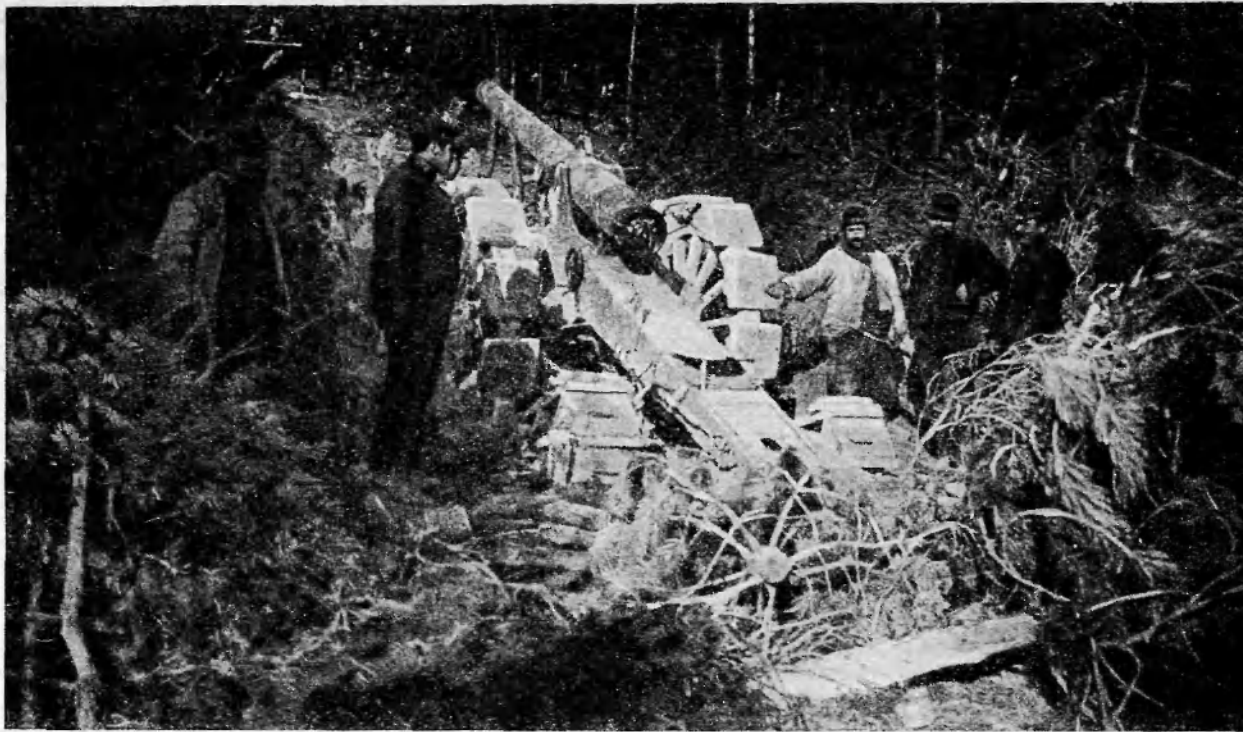

РАЗДАЧА ХЛѢБА БѢДНОМУ НАСЕЛЕНІЮ.

эксплоатировалъ онъ Бѣлинскаго. Погодинъ („Москвитянинъ“), котораго Бѣлинскій называлъ „Безкорыстнымъ“, потому что онъ избѣгалъ платить по „принципальнымъ соображеніямъ“, давалъ чуть не умиравшему съ голоду Аполлону Григорьеву 15 руб. съ листа. Не обижали своихъ сотрудниковъ, хотя и не были щедры, Некрасовъ („Современникъ“), Катковъ („Русскій Вѣстникъ“), Салтыковъ („Отечеств. Записки“), Стасюлевичъ („Вѣстн. Европы“). Гонорары, установленные ими, несмотря на растущую дороговизну жизни, въ общемъ не возросли, Корифеи (Толстой, Тургеневъ) получали отъ 400 до 600 руб. за листъ въ концѣ семидесятыхъ годовъ. Теперь хорошо платятъ нѣсколько газетъ, и то немногимъ необходимымъ сотрудникамъ. Рядовыя же цѣны въ журналахъ и газетахъ очень низки. „Чистый“ писатель бѣденъ и необеспеченъ, — зато богаты промышленники-издатели. „Американизация“ печати и возникновение крупныхъ издательствъ-трестовъ, объединяющихъ въ своихъ рукахъ по нѣскольку журналовъ, газетъ и распространительскихъ организаций, готовятъ классу литераторовъ рядъ новыхъ ударовъ.

„Неужели ты не видишь, — говорилъ девяносто лѣтъ назадъ Пушкинъ Рылѣеву, — что духъ нашей словесности отчасти зависитъ отъ состоянія писателей?“ Теперь эти слова звучатъ серьезнѣе, чѣмъ когда бы то ни было.

Н. Лернеръ.

75-мм.-ое ОРУДИЕ ВЪ АРГОННАХЪ.

МУЗЫКА ДЛЯ НАРОДА.

Организованные А. И. Зилоти, въ Александровскомъ залѣ городской думы, бесплатные концерты представляютъ настолько значительное явление въ петроградской музыкальной жизни, что должны быть отмѣчены самымъ сочувственнымъ образомъ лѣтописцемъ музыкальной дѣятельности. Народные концерты имѣютъ у насъ уже свою исторію. Но до сихъ поръ на нихъ приходилось смотрѣть, какъ на филантропическую затѣю, лишённую какого-либо музыкальнаго интереса. Тѣмъ отраднѣе итоги концертовъ Зилоти, поставленныхъ ихъ организаторомъ на художественную высоту, едва ли доступную другимъ организаторамъ такого рода „народныхъ развлеченій“. Начать съ чрезвычайно тщательно составленныхъ программъ, при выработкѣ которыхъ играла роль не только „абсолютная“ музыкальная цѣнность намѣченныхъ къ исполненію произведеній, но и ихъ малая запѣтость и заигранность. Избалованные любители имѣли бы возможность услышать здѣсь рядъ шедевровъ музыкальной литературы, рѣдко появляющихся даже въ рамкахъ симфоническихъ концертовъ. Каждое послѣбѣденное собраніе посвящалось одному какому-либо автору; и въ нынѣшнемъ году, такимъ образомъ, представлены были своими камерными вещами: — Глинка, Даргомыжскій, Бородинъ, Мусоргскій, Чайковскій и Лядовъ. Музыкальной части предпосылалось небольшое вступительное слово г. А. В. Оссовскаго, содержавшее краткія свѣдѣнія о личности композитора и о художественномъ значеніи исполняемыхъ произведеній. Сотрудниками г. Зилоти были лучшія артистическія силы, главнымъ образомъ, артисты

Императорскихъ театровъ (г-жи: — Валева, Збруева, Николаева, Коваленко, Петренко, гг. Александровичъ, П. Андреевъ, Грохольскій, Курзнеръ). Оркестровыя произведенія исполнялись въ переложении для двухъ роялей такими замѣчательными пианистами, какъ гг. А. И. Зилоти и Г. И. Романовскій.

Было весьма любопытно наблюдать за тѣмъ, какъ публика этихъ концертовъ, почти сплошь состоявшая изъ наиболѣе демократическихъ слоевъ городского населенія, воспринимала отдѣльные номера программъ. Само собой разумѣется, что лучше всего „доходили“ такія произведенія отечественныхъ композиторовъ, которыя по складу своему близки къ звукосозерцанію народной пѣсни или же написаны на какой-либо глубоко захватывающей текстъ („пляски смерти“, Мусоргскаго) или, наконецъ, обаяютъ своимъ жизнерадостнымъ настроеніемъ (Даргомыжскій). Неожиданно холодно народная аудиторія отнеслась къ дивнымъ романсамъ Римскаго-Корсакова (отчасти вслѣдствіе „слишкомъ“ художественнаго выбора ихъ) и произведеніямъ Бородина (исполнялась 2-я симфонія, въ рояльномъ переложении, наврядъ ли доступная даже болѣе развитому кругу слушателей). Но, въ общемъ, этотъ первый опытъ настоящихъ художественныхъ народныхъ концертовъ показалъ, что публика фабричныхъ районовъ и городская бѣднота способны не менѣе тонко оцѣнить все подлинно прекрасное въ музыкальномъ искусствѣ, чѣмъ тѣ, кому матеріальная обеспеченность позволяетъ наслаждаться музыкой въ болѣе изысканной обстановкѣ.

Е. Браудо.

АМЕРИКА НА СМѢНУ ГЕРМАНИИ.

Торговопромышленные круги Америки наряду с другими нейтральными и дружественными намъ государствами стараются использовать прекращение нашего товарообмѣна съ Германией и Австріей для установления непосредственныхъ сношеній съ русскимъ рынкомъ. Въ справочное бюро по внѣшней торговлѣ Министерства Торговли и Промышленности и въ русско-американскую палату поступаетъ рядъ предложеній отъ представителей промышленности Сѣверо-Американскихъ Соед. Штатовъ, готовыхъ замѣнить на русскомъ рынкѣ всѣ тѣ товары, которые мы до сихъ поръ получали, главнымъ образомъ, изъ Германіи. Предлагаются слѣдующія издѣлія: желѣзныя издѣлія — рельсы, паровозы, печи; строительные матеріалы, инструменты, подъемныя мачины, сельско хозяйственныя — всѣхъ родовъ, электрическіе приборы, пишущія мачины, ткани, аптекарскія товары, кожи, карандаши, перья и т. д. и т. д.

Электротехническое дѣло достагло въ настоящее время довольно высокаго уровня въ Соед. Штатахъ, которые стали снабжать соответственными мачинами и матеріалами друія страны. Эта отрасль промышленности особенно усиленно разсчитываетъ и на русскій рынокъ; недавно правительство С. Штатовъ обратилось къ американскому генеральному консулу въ Россіи съ запросомъ относительно состоянія гидро-электрическаго дѣла въ Россіи.

Для облегченія торговыхъ сношеній съ нами, американцы предлагаютъ кредитъ русской торговлѣ. Такъ, группа нью-йоркскихъ финансистовъ во главѣ съ фирмами Пирпонтъ Морганъ и К^о и Guaranty Trust обратилось съ официальнымъ предложеніемъ къ русскому правительству открыть въ видахъ развитія взаимныхъ торговыхъ сношеній, кредитъ въ размѣрѣ 12 милл. долларовъ по текущему счету.

Я. Букипанъ.

ГЕН. РИЧЧИОТТИ ГАРИБАЛЬДИ.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

Роль английского государства в войне.

КАНЦЛЕРЪ казначейства Великобритании, Ллойд-Джоржъ, въ своей бюджетной рѣчи сказалъ, что война за первые восемь мѣсяцевъ обошлась Англии въ 360 милл. ф. ст., и чѣмъ дальше, тѣмъ расходы будутъ больше.

Если война продлится еще годъ, то государственные расходы достигнутъ колоссальной цифры, въ 1.136.434.000 ф. стерлинговъ, что при томъ же размѣрѣ доходовъ дастъ дефицитъ въ 862.322.000 ф. ст.

Передъ страной вырастаетъ огромная проблема покрытия этого колоссального дефицита. Англия — самая богатая страна въ мирѣ и, по убѣжденію Ллойд-Джоржа, она справилась бы легко, если бы война длилась еще полгода. Другое дѣло, если война протянется годъ. „That is one problem“.

Задачи государства диктуются той ролью, которую играетъ Англия въ этой войнѣ, противъ Германии и Австрии. На нее возложены: 1) контроль надъ моремъ, который необходимъ въ интересахъ всѣхъ армій и долженъ быть удержанъ до конца войны, 2) необходимость сформировать какъ можно большую армию, 3) финансирование союзниковъ, задача, которую Англия выполняла въ эпоху Наполеоновскихъ войнъ.

Эти задачи требуютъ отъ Англии самага энергичнаго вмѣшательства въ хозяйственную жизнь.

Японская газета (на англ. языкѣ) „The Farap Chronicle“ отмѣтила недавно, что государство приняло на себя теперь не только функции, обычно свойственныя ему во время войны, но, также, регулирование промышленности, организацію труда, богатствъ и т. д. Можно ли думать, что съ окончаніемъ войны государство откажется отъ всего этого? Гораздо вѣроятнѣе предположить, что, сдѣлавъ уже въ силу необходимости опытъ вмѣшательства въ частно-хозяйственную жизнь, государство сохранитъ значительную часть того, что сдѣлано.

Напримѣръ, желѣзныя дороги въ Великобритани являются частными предприятиями; теперь онѣ взяты подъ правительственный контроль. Нетрудно предположить, что вопросъ о национализаци ихъ получитъ послѣ войны такую остроту, какой раньше онъ не имѣлъ. Правительство подчинило своему контролю фабрики и заводы, и для общества, бывшая прежде чуждою и даже странною, идея государственнаго социализма становится вмѣстѣ съ этимъ привычною. Далѣе, правительство сдѣлалось участникомъ крупнаго предприятия по производству красокъ. Послѣ войны, когда наступятъ нормальныя для Германии условия конкуренци, — она опять станетъ ввозить въ Англию свои краски, и чтобы оградить новую промышленность необходимо будетъ создать защиту отъ германской конкуренци въ видѣ пошлины. Но тогда и текстильная промышленность, принужденная переплачивать на краскахъ, потребуетъ соотвѣтственнаго покровительства — и придется либо удовлетворить это требование, либо реформировать организацію производства

такимъ образомъ, чтобы возможной была конкуренция съ Германией. Война толкаетъ Великобританию по одному изъ двухъ путей — протекционизма или государственнаго социализма.

Давление Германии на промышленность Италіи.

ИТАЛЬЯНСКАЯ промышленность въ некоторыхъ отрасляхъ широко пользовалась за время своего развития заграничными, особенно германскими капиталами.

Въ области текстильной индустрии, напримѣръ, которая быстро развивалась въ Италіи, все оборудование фабрикъ, финансированье, руководящий и служебный персоналъ нерѣдко бывали сплошь германскаго происхожденія.

Это онѣмеченіе итальянской промышленности особенно усилилось во второй половинѣ 90-хъ годовъ, когда развились и расширились итальянскіе банки, многие изъ которыхъ являлись въ сущности филиальными отдѣленіями крупныхъ германскихъ банковъ. Эти финансовыя учреждения, финансируя промышленность, ставили ей рядъ условий, обезпечивающихъ экономическое преобладаніе Германии, какъ-то: ограниченіе производства тѣми категориями фабрикатовъ, которые не угрожаютъ конкуренціей нѣмецкимъ, обязательное приобрѣтеніе фабричнаго оборудования и машинъ въ Германи, допущеніе specialнаго контроля со стороны агентствъ банковъ, право рекомендаціи директоровъ, инженеровъ и техниковъ и т. д.

Велика также зависимость итальянской промышленности отъ Германии въ области химической промышленности. Напримѣръ, текстильная отрасль питалась исключительно красильными веществами нѣмецкаго производства, которое, какъ извѣстно, является почти монопольнымъ на рынкѣ. Сначала войны Германия стала пользоваться своимъ положеніемъ въ этой отрасли, съ цѣлью воздѣйствовать на нейтральныя государства. Она систематически грозила нейтральнымъ странамъ прекращеніемъ отпуска химическихъ товаровъ, а на рынкѣ красокъ проводила свои военныя и политическія намѣренія, вымогая отъ нейтральныхъ государствъ продукты питания въ обмѣнъ на анилиновыя краски. Въ Италію она отпускала этотъ товаръ не иначе, какъ въ обмѣнъ на разрѣшительныя свидѣтельства для вывоза хлѣба, картофеля, риса, рыбы, а также металловъ и ископаемыхъ: — свинца, мѣди, селитры, сѣры.

Въ настоящее время промышленные круги Италіи энергично разрабатываютъ проектъ созданія колоссальной фабрики красокъ въ Миланѣ или Туринѣ, при поддержкѣ правительственныхъ мѣропріятій таможеннаго характера и казенныхъ денежныхъ ассигновокъ. Большимъ толчкомъ къ этому проекту послужила английская идея национализаци производства анилиновыхъ красокъ, выдвинутая тѣми же обстоятельствами военнаго времени.

Национализаци рынка въ Германи.

ГЕРМАНСКАЯ промышленность занимается усиленною пропагандой отечественныхъ продуктовъ производства, выдвигая ихъ преимущества предъ всякими заграничными товарами, и убѣждая нѣмцевъ не сберегать денегъ въ тѣхъ случаяхъ, когда можно и нужно что-нибудь купить и тѣмъ самымъ поддерживать германскую промышленность.

Эта серьезная задача углубленія емкости національнаго рынка властно выдвигается предстоящей перспективой потери внѣшнихъ рынковъ.

Среди мѣръ расширенія внутренняго рынка слѣдуетъ отмѣтить организуемую сейчасъ въ Германи выставку, подъ названіемъ: „Германскіе товары подъ чужимъ флагомъ“. На выставкѣ будутъ показаны произведенія германской индустрии, которые по своей техникѣ и вкусу убѣдительно превосходятъ въ глазахъ потребителей всякіе однородные заграничныя товары. На выставку получаютъ доступъ различныя категории товаровъ, доселѣ замаскированныхъ. Напримѣръ, товары германскіе, которые до сихъ поръ шли обозначеніемъ иностранныхъ; товары германскіе, но переотправленные изъ-за границы, чтобы имѣть помѣтку, объ якобы заграничномъ происхожденіи; наконецъ, чужіе товары, которые поступали въ торговлю, какъ нѣмецкіе и могутъ быть производимы въ Германи (английскія стальные перья и др.).

Экономическое положеніе Бельгіи.

ПО сообщенію итальянскаго журнала „Economista della Italia Moderna“ въ экономическомъ положеніи Бельгіи обнаруживается постепенное возстановленіе различныхъ отраслей промышленности. Такъ, расширяются работы въ сахарной, пивоваренной, табачной, газовой и канатной промышленности, въ которыхъ занято свыше 60% всѣхъ рабочихъ. Металлическая и текстильная промышленность находятся, по-прежнему, въ упадкѣ; бельгийцы не желаютъ работать на Германи, которая нуждается для войны въ производствѣ этихъ отраслей. Изъ оружейныхъ заводовъ работаетъ только одинъ, который находится, въ сущности, въ нѣмецкихъ рукахъ, по количеству акцій, принадлежащихъ нѣмецкому капиталу.

Продовольственное дѣло поддерживается американскимъ благотворительнымъ комитетомъ, начавшимъ свою работу прокормленія разоренныхъ жителей съ капиталомъ въ 200.000 ф. ст. и доведши нынѣ свой капиталъ, посредствомъ сборовъ и пожертвованій, до 2 милл. ф. ст.

Благодаря энергичной постановкѣ хлѣбнаго снабженія (безъ посредниковъ) и сочувственному отношенію некоторыхъ английскихъ и американскихъ фирмъ, цѣны на хлѣбъ, покупаемый комитетомъ, держатся на болѣе низкомъ уровнѣ, чѣмъ въ Англии.

О чем говорят и пишут

Использование военнопленных для сельскохозяйственных работ в Германии.

ГЕРМАНСКОЕ сельское хозяйство стоит перед тяжелым вопросом о недостатке рабочих рук для весенних полевых работ. На приток городских рабочих надежды нет; русских пришедших рабочих, которые прибывают в Германию на заработки ежегодно в количестве 300 тыс., задержано немного; единственный выход: использовать труд военнопленных. Союз сельских хозяев представил уже военному министру меморандум на сей предмет, вопя, что для нации будет несчастьем, если вопрос этот не будет разрешен в положительном смысле.

Военное министерство выработало уже правила для использования военнопленных. Последние отпускаются хозяевам группами по 80—100 человек; помещик платит военному ведомству ежедневно по 15 коп. за человека; за каждый час труда сверх пятичасовой работы помещик платит ведомству по 2,0 пф. с человека.

Кроме работ, связанных с предстоящим урожаем, труд пленных применяется к мелiorативным работам, по культивированию болот и пустошей. Представитель прусского правительства заявил в Бюджетной комиссии ландтага, что в мелiorации занято 70 тыс. пленных. В Померании намечено для культивирования 6 с лишним тыс. гектаров негодной земли, и работа эта целиком ввержена на плечи 3 тыс. русских военнопленных. Дѣлаются также попытки использовать русских для мясных работ в бойнях.

Военнопленные в Англии.

НИЖЕ мы печатаем выдержки из письма немца, студента Кембриджского Университета, задержанного в Ан-

глии в качестве военнопленного. Письмо это было любезно предоставлено нам редактором „Cambridge Mag.“, доцентом Кембриджского Университета, С. К. Ogden.

„Меня арестовали ночью и, вместе с другими военнопленными, отвезли в лагерь для военнопленных, близ Лидса. Нас поместили в „Lugthouse Park“*, бывшем выставочном помещении. Оно состоит из центрального здания с танцевальным залом и зимним садом и из десятка павильонов. Все это окружено проволокою изгородью и охраняется солдатами.

„Для управления военными лагерями англичане применяют старую, испытанную в колониях систему самоуправления. Мы разделены на группы, по 25 человек в каждой. Во главе каждой группы стоит капитан, избираемый членами группы из своей среды. Он является посредником между пленными и английскими властями. Общее руководство дѣлами лагеря находится в руках старшего капитана. У нас имются: — прачешная, сапожник, парикмахер и портной. За плату в 6 пенсов в недѣлю наша „прислуга“ чистит нам сапоги и платье.

„В пищу мы получаем: утром $\frac{1}{2}$ фунта хлѣба, масло и кофе, к обѣду — мясо, картофель и морковь, и вечером ужин и чай. Больше состоятельные из нас за особую плату получают лучшую пищу и пользуются лучшим помещением.

„Нас здѣсь 400 человек, принадлежащих к самым различным слоям общества. Есть несколько студентов, купцов, несколько галицийских евреев, имѣющих очень смутное представление о войнѣ. Но громадное большинство состоит из лакеев, парикмахеров и мелких служащих.

„Жизнь здѣсь по военному правилу. В 6 часов бьют зорю, в 8 — чай, в 9.30 — переключка, в 1 часть — обѣд, в 6 ч. — ужин, в 9 — мы ложимся. Вначалѣ к этому режиму было трудно привыкнуть, но теперь мы совсѣм освоились с нашими порядками. Я не думаю, чтобы плен мог быть лучше, но он мог бы быть значительно хуже. Командант лагеря к нам относится очень любезно. Он дѣлает все, чтобы облечь нашу участь, и даже разрешил нам приобрести граммофон.

В общем, здѣсь живется не так уж плохо, но свободу не может замѣнить ничто.

Дѣятельность Всероссийскаго Союза Городовъ.

Какую огромную дѣятельность развилъ Всероссийскій Союзъ городовъ, видно изъ его отчета на 1 января 1915 г. Союзъ вступилъ въ соприкосновение съ 401 городомъ, изъ которыхъ 163 вступили въ союзъ и внесли свой взносъ, 51 городъ сдѣлалъ соответствующее ассигнование, 114 городовъ вошли въ союзъ безъ взноса, и 73 города находятся въ связи съ союзомъ, передавая ему пожертвования деньгами, вещами и проч. До 1 января 211 городовъ ассигновали въ кассу Союза 709.510 р., изъ которыхъ внесено 496.975 р. Союзъ со своей стороны до 1 января выдалъ 154 городамъ денежные пособия въ размѣрѣ 5.627.563 р., на содержание лазаретовъ и пр. Всего Союзъ далъ городамъ, въ видѣ денежныхъ пособій или вещами, на сумму 7.556.561 р. 35 к.

Проектъ смѣты на 2-е полугодіе составленъ Главнымъ Комитетомъ Всероссийскаго Союза Городовъ въ суммѣ 32.000.000 руб.

Редакторъ-издатель З. И. Гржебинъ.

СОДЕРЖАНИЕ № 16. Андрей Соболевъ. Открытое письмо Мережковскому. — Е. Паннъ. У послѣдней черты. Очерки: — II. Гефестъ и III. Семья Таубера. — Марія Моравская. Стихи. — Пьеръ Милль. Разсказъ, Бабушка Отто Бергмана. Перев. съ франц. А. Даманской. — Н. Лернеръ. Литературный гонимый въ старину. — Е. Браудо. Музыка для народа. — Я. Букшпанъ. Америка на смѣну Германіи. — Экономическая жизнь. — О чемъ говорятъ и пишутъ.

Перепечатка статей, разсказовъ и иллюстрацій допускается только съ указаніемъ источника.

ОТЕЧЕСТВО

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ЛЪТОПИСЬ ЖИЗНИ.

Въ знаменательный исторический моментъ, когда всь народы, населяющие нашу родину, въ борьбѣ съ врагами выковываютъ счастье и величїе Россїи, журналъ „Отечество“ ставитъ своей задачей всестороннее освѣщеніе событїй творящейся жизни. Удѣляя преимущественное вниманіе вопросамъ будущаго строительства родины, „Отечество“ девизомъ своимъ ставитъ: мирное сожителство, преуспѣяніе и равенство всѣхъ гражданъ Россїи, всѣхъ народовъ ея. Въ развитїи культурно-национальныхъ цѣнностей каждой отдѣльной народности — залогъ величїя объединяющей всь эти народности Россїи, которая является отечествомъ для всѣхъ.

Въ художественномъ отдѣлѣ журнала участвуютъ:

Н. Альтманъ, Б. Анисфельдъ, Ю. Анненковъ, Александръ Бенуа, И. Билибинъ, И. Бродскїй, В. Бѣлкинъ, М. Добужинскїй, Н. Кульбинъ, Б. Кустодїевъ, Г. Нарбутъ, П. Наумовъ, А. Радковъ, Р. Реми, Н. Рерихъ, И. Е. Рѣпинъ, Л. Пастернакъ, М. Соломоновъ, С. Судейкинъ, О. Шарлеманъ и др.

Въ литературномъ отдѣлѣ журнала помѣстили свои произведенїя:

Леонидъ Андреевъ, К. К. Арсеньевъ, А. А. Ахматова, А. Н. Бенуа, И. А. Бодуэнъ-де-Куртенэ, Ал. Блокъ, Е. М. Браудо, Я. М. Букшпанъ, Валерїй Брюсовъ, Ив. Бунинъ, проф. П. Г. Виноградовъ, М. О. Гершензонъ, М. Горькїй, Г. Гребенщикова, А. С. Гринъ, Н. С. Гумилевъ, Любовь Гуревичъ, Л. Добронравовъ, Е. А. Зноско-Боровскїй, Вяч. Ивановъ, А. Изгоевъ, Игорь-Сѣверянинъ, А. И. Купринъ, Д. А. Крючковъ, П. Н. Милюковъ, М. Моравская, Г. Г. Перетцъ, О. Персицъ, проф. Б. Пѣрсъ, Н. Э. Радловъ, С. Рафаловичъ, А. М. Ремизовъ, П. Рыссь, М. А. Славинскїй, Ф. Ф. Сологубъ, В. Б. Станкевичъ, П. Б. Струве, В. Танъ, М. Толмачева, Тэффи, С. Л. Франкъ, А. Чапыгинъ, Алек. Чеботаревская, Ан. Чеботаревская, Г. И. Чулковъ, Вяч. Шишковъ, Г. Н. Штильманъ, П. Е. Щеголевъ.

Редакторъ-Издатель *З. И. ГРЖЕБИНЪ.*

==== Непринятая рукописи не возвращаются. ====

ОБЪЯВЛЕНІЯ ВЪ ЖУРНАЛѢ

ОТЕЧЕСТВО

принимаются въ главной конторѣ, Невскїй 55, тел. 248—77, по цѣнѣ за строку нонпареля: до текста 1 р. 20 к., послѣ текста 80 к., за страницу 300 р. Публикаци въ краскахъ, по рисункамъ художниковъ, по соглашенїю. По первому требованїю (можно по телефону) главная контора командировать агентовъ.

ЦѢНА ПОДПИСКИ:

Съ доставкой и пересылкой
на годъ   на полгода   на три мѣсяца
4 р.   2 р. 25 к.   1 р. 25 к.
ПРОБНЫЙ № ВЫСЫЛАЕТСЯ ЗА 15 КОП. МАРКАМИ.
Прїемъ подписки производится во всѣхъ крупныхъ книжныхъ магазинахъ Имперїи.
Въ отдѣльной продажѣ 10 коп. номеръ.
На станц. жел. дор. 12 коп.
Требуйте у газетчиковъ.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА: Петроградъ, Невскїй пр. 55, телеф. 248-77.

Адресъ для телеграммъ: Петроградъ, „ОТЕЧЕСТВО“.

Отъ Московскаго ГОРОДСКОГО ГОЛОВЫ.

Тяжелая война несетъ за собой нужду не только въ тѣ семьи, изъ которыхъ призваны на дѣйствительную службу ихъ кормильцы.

Общее вздорожаніе жизни заставило многихъ, перебивавшихся раньше собственными силами, искать благотворительной помощи. Немало рабочихъ людей вслѣдствіе сокращенія требованія на ихъ трудъ лишились своего обычнаго заработка. Непрекращающіеся холода сдѣлали еще болѣе безвыходнымъ положеніе такихъ нуждающихся.

Городскія попечительства о бѣдныхъ, по мѣрѣ возможности, оказываютъ поддержку впавшимъ въ крайнюю нужду. Но при настоящихъ условіяхъ и все увеличивающемся количествѣ ихъ кліентовъ положеніе попечительствъ становится съ каждымъ днемъ затруднительнѣе. Эта затруднительность усиливается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что обычнаго Вербнаго базара въ пользу бѣдныхъ попечительствами устроено въ настоящемъ году не будетъ.

Близится Свѣтлый праздникъ. Десятки тысячъ людей придутъ въ попечительства за помощью и могутъ не найти ея, если на помощь самимъ попечительствамъ не придутъ своими жертвами добрые люди.

Въ виду такой усиленной нужды обычныхъ кліентовъ городскихъ попечительствъ я и обращаюсь съ призывомъ къ населенію г. Москвы—при всѣхъ своихъ жертвахъ въ пользу непосредственно пострадавшихъ отъ войны—не забыть и тѣхъ неимущихъ, безпросвѣтная нужда которыхъ еще болѣе обострилась подъ косвеннымъ вліяніемъ той же войны.

См. на оборотѣ.

Пожертвованія деньгами, вещами и продуктами принимаются попечительствами по слѣдующимъ адресамъ:

- АРБАТСКОЕ**—Бронная, Богословскій пер., д. 14, въ канцеляріи по понедѣльникамъ, средамъ, пятницамъ и субботамъ отъ 10 до 3 ч. дня.
- БАСМАННОЕ**—Разгуляй, д. Бостанжогло, въ канцеляріи ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 6 до 8 ч. вечера; у **Страховой С. А.**—Токмаковскій пер., д. Струкова, отъ 2—5 ч. дня; у **Филатовой В. А.**—Ирвинская, д. 55, отъ 10—4 ч.; у **Клингернъ В. И.**—Елоховская, соб. д., отъ 4—6 ч. вечера.
- ГРОДСКОЕ**—Варварка, Барановское подворье, въ канцеляріи по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ отъ 3 до 5 ч. дня; у **Шуванова И. О.**—Новокупеческое подворье, на Ильинкѣ, магазинъ Шуванова; у **В. В. Усачева**—Б. Знаменскій, с. д., отъ 10 до 3 ч. дня.
- ЛЕФОРТОВСКОЕ**—Нѣмецкая, д. 6, въ канцеляріи ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 10 до 3 ч. дня; у **Матвѣева И. У.**—Б. Семеновская, д. 17, отъ 10 до 3 ч. дня ежедневно, кромѣ праздниковъ.
- МЪЩАНСКОЕ 1 уч.**—Сухарева башня, въ канцеляріи по понедѣльникамъ, средамъ и пятницамъ отъ 6 до 8 час. вечера.
- МЪЩАНСКОЕ 2 уч.**—Красносельская ул., Краснопрудный пер., д. 2, въ ясляхъ попечительства ежедневно отъ 8 ч. утра до 6 ч. вечера у **К. П. Мерцкой**.
- МЪЩАНСКОЕ 3 уч.**—Троице-Капельскій пер., с. д., въ канцеляріи по понедѣльникамъ отъ 6 до 8 ч. вечера, по вторникамъ и пятницамъ отъ 10 до 1 ч. дня.
- МЪЩАНСКОЕ 4 уч.**—Ивановская ул., д. 1, Патрикѣва, въ канцеляріи ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 10 ч. утра до 8 ч. вечера.
- МЯСНИЦКОЕ 1 уч.**—Кисельный пер., д. бр. Трындиныхъ, въ канцеляріи ежедневно отъ 1 ч. до 5 час. вечера, кромѣ праздниковъ, а въ остальное время при магазинѣ Т-ва Е. С. Трындина с-вей, на Б. Лубянкѣ.
- МЯСНИЦКОЕ 2 и 3 уч.**—Архангельскій пер., д. Армянской церкви, въ канцеляріи ежедневно отъ 10 до 12 ч. дня; у **Кабанова Д. И.**—Космодамианскій пер., д. Патрикѣва № 8, кв. 2, ежедневно и въ помѣщеніи богадѣльни попечительства—уг. М. Трехсвятительскаго и Подкопаевскаго пер., д. Корнилова, ежедневно.
- ПРЕЧИСТЕНСКОЕ**—2-й Зачатьевскій пер., д. 7, въ канцеляріи ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 11 до 3 ч. дня у **З. П. Ломакиной**.
- ПРѢСНЕНСКОЕ 1 уч.**—Б. Прѣсна, Трехгорный пер., соб. д., въ канцеляріи по понедѣльникамъ, средамъ и пятницамъ отъ 10 до 12 ч. дня.
- ПРѢСНЕНСКОЕ 2 и 3 уч.**—Б. Грузинская ул., д. 9, въ канцеляріи по вторникамъ, четвергамъ и пятницамъ отъ 10 до 12 ч. дня, у **Шустова П. Н.**—Б. Садовая, соб. д.
- ПЯТНИЦКОЕ**—3-й Монетчиковскій пер., д. попечительства, въ канцеляріи ежедневно отъ 10 до 6 ч. вечера, кромѣ праздниковъ.
- РОГОЖНОЕ 1 и 2 уч.**—Воронья ул., Съѣзжинскій пер., д. Петрово-Соловово, ежедневно отъ 9 до 1 ч. дня, кромѣ праздниковъ.
- РОГОЖНОЕ 3 уч.**—Б. Алексѣевская, с. д., въ канцеляріи ежедневно у **А. Г. Лебедевой**.
- СЕРПУХОВСКОЕ 1 уч.**—Шаболовка, Ризположенскій пер., д. 11, въ канцеляріи по воскресеньямъ и четвергамъ отъ 6 до 8 час. вечера и въ пріютѣ Попеч-ва отъ 12 до 7 ч. вечера.
- СЕРПУХОВСКОЕ 2 уч.**—1-й Подольскій пер., д. 8, въ канцеляріи по вторникамъ, четвергамъ и воскресеньямъ отъ 10 до 4 час. дня и у гг. **Ремезовыхъ**—Серпуховскія вор., Коровій валъ, д. 3, кв. 1, ежедневно отъ 12 до 8 ч. веч., кромѣ четверга.
- СРѢТЕНСКОЕ**—Мясной пер., д. 14, въ канцеляріи по понедѣльникамъ и средамъ отъ 5 до 7 ч. вечера и **Л. Л. Катуаръ**—отъ 10 до 1 ч. дня, кромѣ праздниковъ.
- СУЩЕВСКОЕ 1 уч.**—Селезневская ул., д. Бакастова, въ канцеляріи по понедѣльникамъ и пятницамъ отъ 12 до 5 ч. вечера.
- СУЩЕВСКОЕ 2 и 3 уч.**—Новослободская ул., д. 18, въ канцеляріи ежедневно отъ 10 до 8 ч. веч., кромѣ праздниковъ.
- ТВЕРСКОЕ 1 и 2 уч.**—Тверской бул., Богословскій пер., д. Городской Управы, въ канцеляріи по понедѣльникамъ, вторникамъ, четвергамъ и пятницамъ отъ 2 до 5 ч. веч.
- ТВЕРСКОЕ 3 уч.**—Петровскій бул., Крапивенскій пер., д. Катуаръ, въ канцеляріи среда и суббота отъ 5 до 7 час. веч.
- ХАМОВНИЧЕСКОЕ 1 уч.**—Хамовники, Божениновскій пер., д. 20, въ канцеляріи ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 11 до 1 ч. дня.
- ХАМОВНИЧЕСКОЕ 2 уч.**—Плющиха, уг. 3 и 4 Ростовскаго пер., д. 1, въ канцеляріи по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ отъ 9 до 6 ч. вечера и въ пріютѣ Попеч-ва ежедневно отъ 9 до 2 ч. дня.
- ХИТРОВА РЫНКА**—Яузскій бул., д. 11, кв. 3, въ канцеляріи ежедневно отъ 10 до 3 ч. дня и отъ 6 до 8 ч. веч.; у гг. **В. Н. Бобринской** Поварская, Трубниковскій пер., д. 26, кв. 19, ежедневно отъ 11 до 4 час. дня, у **Н. А. Сильверсвана**—Плющиха, 4 Ростовскій пер., д. 1, по вторникамъ и пятницамъ отъ 5 до 7 ч. веч.
- ЯКИМАНСКОЕ**—Толмачевскій пер., д. 10, въ канцеляріи ежедневно отъ 10 до 4 ч. дня (вещевыя и денежныя пожертвованія) и денежныя у **Дружинина Н. А.**—Ильинка, д. 9, Т-ва Немирова-Колодкина, ежедневно отъ 10 до 6 ч. веч.
- ЯУЗСКОЕ**—Садовая у Высокаго моста, д. Найденовыхъ, въ канцеляріи ежедневно, кромѣ праздниковъ, и **П. С. Самсонова**—Мясницкая, д. 30.